

Кристина Рой

ЖИЗНЬ
начинается

Кристина Рой

ЖИЗНЬ
начинается

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

УДК 82-31:27-29
ББК 84(4Сла)-44
Р65

Перевод с немецкого

Kristina Roy
«Als das Leben begann»

Рой К.

Р65 Жизнь начинается / Пер. с нем. — К.: «Свет на Востоке», 2008. — 80 с.: ил.

В небольшую словацкую деревню вернулся с войны бывший солдат Мартын Запола. Чтобы добраться домой из плена, он прошел два континента, преодолел тысячи километров, побывал в далекой Сибири и Японии... Но дома его ожидало страшное потрясение — жена, получив извещение о его гибели, вышла замуж за другого человека. Это едва не стоило Мартыну жизни — если бы не вмешательство сельского учителя и нашего Небесного Отца, Который для каждого человека предначертал особенный путь в этом мире.

УДК 82-31:27-29
ББК 84(4Сла)-44

Изд. № 01.323
ISBN 978-966-2089-07-3 (Укр.)
ISBN 978-3-939887-50-8 (Герм.)
© УМО «Свет на Востоке», 2008

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Повести и рассказы словацкой писательницы Кристины Рой (1860–1937) полюбились российским читателям очень давно... Мало кому известно, что еще в начале XX века одно из помещений Санкт-Петербургской гостиницы «Англетер» занимал книжный магазин прусского подданного Иоганна-Альберта Федоровича Гроте, где продавалась переведенная с европейских языков духовная и детская литература. Так, благодаря издательской и торговой деятельности Гроте, наши соотечественники впервые прочли книги Кристины Рой...

Усилиями издательства «Свет на Востоке» ее произведения вновь попали в Россию в начале 1990-х годов и вскоре стали необычайно популярны. Не потому ли, что писательскую манеру автора отличают искренность и мудрая простота, свойственные евангельской притче? Или же все дело в увлекательном и богатом неожиданными поворотами сюжете? Судите сами...

Вечерело. Солнце садилось за горами. Я стоял у соснового бора и смотрел на раскинувшуюся в долине словацкую деревню Тополево, в которой мне предстояло теперь жить. В тот час эта незнакомая местность казалась раем. Под чистым синим небом щеголяли осенним разноцветьем деревья, на лугах царила тишина. Гармонию этого чудесного вида нарушала только убогая хижина среди аккуратных, крытых соломой домиков. Когда-то ее, наверное, окружал забор, от которого осталось лишь несколько столбов.

«Неужто школа?! — догадался я. — Что же там внутри творится, если снаружи такое запустение? И что за люди здесь живут?»

Несколько подавленный, я спустился в долину и, достигнув деревни, вошел в первый же дом. Я хотел спросить, где можно получить ключи от моего нового жилища и прибыли ли вещи, отправленные сюда неделю назад. С собой у меня был только чемоданчик с самым необходимым на первый случай.

Дом казался нежилым. Я вошел в пустую закопченную кухню. Возле нерастопленного очага лежала охапка соломы, а на ней — спящий человек.

Я уже хотел тихонько удалиться, но, взглянув

на спящего, отчего-то задержался. Лицо его было бледно-восковым, как у покойника. Подойдя к незнакомцу поближе, я разглядел довольно поношенный солдатский мундир... Господи, неужто и впрямь покойник?! Лоб холодный, руки застыли... Помилуй Боже, как он сюда попал?

Неожиданно на крыльце послышались шаги. В хижину вошла женщина и удивленно уставилась на меня. Я поздоровался и представился.

— Ах, значит, вы и есть новый учитель? — обрадовалась она. — Хорошо, что мы встретились! Ключ от школы у меня. Я немного прибрала в вашей комнате, хотела еще воды и дров принести... Мы вас ждали вчера, когда привезли ваши вещи, но вы не приехали. Не могла же я его одного оставить, — кивком головы она указала на лежащего, — хотя ему, бедняжке, уже ничего не нужно! Наши мужчины нашли его мертвым сегодня в обед... Сейчас придут доктор и судья.

— А кто он такой?

— Мартын Запола, хозяин этой хижины. Как раз сегодня утром он вернулся домой из плена. Его давно считали погибшим, священник даже надгробное слово произнес. Пришедшие с войны соседи рассказывали, что видели его среди мертвых, потом

община получила официальное подтверждение... Жена очень убивалась по нем, только через четыре года вышла замуж за другого. А поскольку от него остался сын, опекунский совет не позволил продать хижину и она пустовала. Пустой он ее и нашел, без жены и сына... Я еще никогда не видела, чтобы мужчина так обливался слезами! Звала его к себе, но он не пошел. Попросил только немного соломы для подстилки. А когда после обеда мы с соседями зашли проведать его, он был уже мертв... Но, может, оно и к лучшему? Он не смог бы пережить такое горе... У его жены уже есть ребенок от второго мужа, они состоят в законном браке. Что бы из этого всего вышло?

На некоторое время в хижине воцарилось горестное молчание. Потом я предложил:

— Знаете что? Я побуду около него, пока не придут люди, за которыми послали. А вы уж, будьте так добры, позаботьтесь о моих вещах.

— Не беспокойтесь, я сделаю все что нужно.

Женщина ушла, а я остался наедине с покойником.

«Бедняга, как ты, наверное, тосковал по дому, как молился о счастливом возвращении! Наверное, надежда на встречу с женой и сыном была твоим

единственным утешением в бедах... И вдруг такое разочарование! Оно-то тебя и погубило. Но, может, соседка права, и это действительно к лучшему. Ведь ты теперь там, где нет ни горя, ни бед».

А что если он еще не примирился с Богом?

Мысль о вечной погибели этого человека пронзила все мое существо. Меня охватило чувство страха, сменившееся глубоким состраданием... Я решил попытаться вернуть несчастного к жизни. Когда я приподнял его правое веко и осветил глаз карманным фонариком, мне показалось, что зрачок реагирует на яркий свет — это меня обрадовало и вдохновило. Я делал все что мог, одновременно моля о помощи свыше.

Вскоре грудь солдата стала вздыматься, появился пульс. С его губ сорвался тихий стон: «Воды!» Я достал термос с кофе и помог ему сделать несколько глотков. Крепкий теплый напиток окончательно привел больного в чувство. Внезапно он открыл глаза и сел.

Я был ошеломлен происшедшим и не придумал ничего лучшего, как спросить:

— Ну что? Как поживаете?

— Отпустило... — вымолвил он слабым голосом. — Спасибо вам, господин учитель, вы спасли мне жизнь.

Потрясенный, я опустился рядом с ним на колени и поблагодарил Господа за помощь.

— Вы можете подняться? — спросил я затем Мартына.

— Если б вы мне немного помогли...

Я помог ему встать, и вскоре он уже осторожно прохаживался по кухне.

— Прошу вас, идемте со мной в школу, — попросил я его, — я вас поддержу. Вам нельзя оставаться здесь.

— Да, — кивнул он, — вы правы. Если я останусь здесь, меня снова охватит тоска и заболит сердце...

— Значит у вас был сердечный приступ?

— Да, впервые это случилось со мной на войне — от ужасных переживаний. Затем приступ повторился во время боя. Меня подобрала и увезли вместе с трупами, а родных известили о моей смерти... Отсюда все мои несчастья!.. Господин учитель, если уж вы были так добры ко мне, позвольте мне пожить у вас!

— Охотно, идемте! Но откуда вы знаете, что я учитель?

— Во время приступа я был в сознании. Слышал, как вы пришли, как говорили с соседкой... Слышал и вашу молитву о том, чтобы мне не погибнуть на-

веки... И я обязательно погиб бы, — добавил он тихо, но очень серьезно, — если бы вы меня не вернули к жизни, потому что я очень, очень плохой человек...

Я не дал ему продолжить, чтобы он не волновался, — это было вредно в его состоянии. Мы потихоньку дошли до школы. В моей комнате уже знакомая соседка заправляла кровать. Обернувшись на шум и увидев нас обоих, женщина окаменела; от испуга она не могла произнести ни слова. Я быстро рассказал ей, что произошло. После этого, словно вспомнив о чем-то, она выбежала из комнаты и вернулась с охапкой соломы, которую расстелила в углу на полу. Я достал из своего чемодана простыню, и она накрыла ею солому.

Таким образом, мне не пришлось скучать в новом жилище. Кроме чемоданов и узла с постельными принадлежностями в комнате были только старая, расшатанная кровать да ветхие стол и стулья. Но меня наполняла радость от того, что рядом находится человек, которого с Божьей помощью удалось вернуть к жизни.

Вот только для чего мне было дано спасти его? Очевидно, чтобы указать ему путь к небесной родине и истинному Спасителю; наряду с учитель-

ством это и должно было стать теперь моей главной задачей.

Только на следующий день пришел доктор, чтобы осмотреть «покойника». Он посещал больных в деревнях и не успел к нам в тот же день. Врач уже знал о случившемся. Он вкратце объяснил свое опоздание и попросил рассказать о вчерашнем происшествии.

Я повел доктора к больному. Его состояние уже немного улучшилось. Несмотря на сопротивление Мартына, я заставил его лечь в свою постель, а сам спал на соломе.

После осмотра врач отвел меня в сторонку.

— Вы вернули человека к жизни, господин учитель, — сказал доктор, — но вряд ли надолго. У него очень слабое сердце, а организм полностью истощен. Я положу его в больницу и позабочусь, чтобы его хорошо кормили, — ему необходимо усиленное питание и длительный отдых. Плохо только, что больницы все переполнены — в наших краях свирепствует эпидемия.

— Позвольте, господин доктор, — прервал я его, — вы говорите, что он недолго проживет. Больше всего бедняга нуждается в любви, но разве в больнице он найдет ее? Там он угаснет, как и многие

другие. Бог не для того поручил мне вернуть его к жизни. Если этому человеку суждено только мучиться до самой смерти, тогда уж лучше ему было умереть вчера.

— Оригинально! — засмеялся врач. — Значит, вы оживили этого человека для чего-то особенного?

— Да, и именно для того, чтобы он узнал, что кто-то любит его.

— Кто же это? Вы, что ли?

— Конечно, я тоже. Но прежде всего Иисус Христос, Сын Божий, пришедший в мир для спасения погибающих. Оставьте Заполу у меня.

— Да-да, чтобы он спал в вашей постели, а вы — на соломе!

— Я прекрасно спал, — засмеялся я. — Для меня это не имеет никакого значения.

— Странный вы «святой»! Предположим, я оставлю больного у вас. Чем вы его будете кормить? В вашем доме пусто, хоть шаром покати. Или вам жалованье на полгода вперед выплатили?

— Нет, как вам известно, с этим у нас не спешат. Но с Божьей помощью проживем.

— Говорю вам, что Заполе нужно усиленное питание. Где вы его возьмете?

— Нельзя сказать, что у меня совсем нет средств...

— Ну вы и хитрец! — засмеялся доктор. — Что ж, если вам так угодно... Кстати, вот и ваш завтрак несут. Приятного аппетита!

Вошла соседка, и наш разговор прервался. В то время как я советовался с ней о разных бытовых мелочах и просил позаботиться о нас, пока жизнь не войдет в нормальную колею, доктор еще раз подошел к Заполе.

Потом он обратился ко мне:

— Я пришлю вам лекарства и все необходимое для больного, все равно его еще нельзя перевозить. А там видно будет. До свидания! Если Запола не проснется, то надо будить его через каждые два часа, давать несколько ложек супа и ложку вина, которое я пришлю.

Как быстро летит время! С момента моего прибытия в Тополево прошло уже четырнадцать дней. А какую чудесную помощь оказал нам Бог! Он отправлял воронов не только к Илии — эти птицы находили дорогу и сюда*.

На следующее утро после визита доктора появилась корзина с продуктами, посланная его женой.

* Речь идет о событиях, описанных в 17-й главе 3 Книги царств: Бог повелел воронам кормить Своего пророка Илию во время засухи.

Ее муж приложил записку: «Для Пятницы и Робинзона». Наверное, этим он хотел сказать, что я собрался обратиться Заполу к Богу, как Робинзон — Пятницу**.

После обеда родители стали приводить детей записываться в школу. К вечеру в Тополеве не осталось ни одного дома, из которого к нам не пришел бы кто-нибудь, — каждый хотел взглянуть на вернувшегося солдата. (Разумеется, я не мог пустить к нему всех.) Люди очень удивлялись моему решению оставить его у себя: ведь я и сам еще не успел устроиться. «Не удивляйтесь, — возражал я им, — он мой несчастный брат, который так же одинок, как я. Ведь если я обращаюсь за помощью к вам, вы, друзья мои, не откажете мне, не так ли?» Женщины охотно соглашались с этим, а мужчины пожимали мне руку.

Вечером, окончив запись детей, я обнаружил еще один сюрприз. Оказывается, женщины тем временем убрали маленькую комнату возле кухни и затопили кафельную печь — на улице было уже холодно, а тем более в сыром доме. В комнате я нашел и свежую постель. Приветливая пожилая женщина

** В советских переводах романа Д.Дефо «Робинзон Крузо» этот аспект отношений между Робинзоном и Пятницей опущен.

представилась вдовой дяди Мартына Заполы. Это она позаботилась о кровати и постели для племянника — вещи остались от их дочери, уехавшей в Америку. Еще она привезла нам скамью со спинкой и небольшой стол.

К вечеру мы с соседями переселили больного в приготовленную комнату. Между тем тетушка Зелха, моя соседка, проветрила и перестелила мою постель, которую мы тоже переместили в комнату Мартына, поскольку я не хотел оставлять его одного на ночь. Бабушка Запола принесла корзинку со свежими яйцами и молоко. К вечеру моя комната превратилась в настоящую кладовую для съестных припасов. У нас были хлеб, картофель, яйца, сыр, масло, фрукты, мак и прочая снедь.

— Ну, чем не Робинзон! — шутил доктор на другой день, когда я показал ему наши запасы и сообщил, что сегодня тетушка принесет Мартыну куриный бульон.

— Видите, Бог о нас позаботился, и в дальнейшем Он будет заботиться о том, чтобы наш пациент получал хорошее питание.

— Действительно! Таких свежих яиц в больнице нет, — согласился доктор.

Как и предсказывал врач, Мартын проспал

беспрерывно двое суток, его приходилось будить только к обеду. Но, проснувшись на третий день, я обнаружил его постель пустой — он готовил завтрак на кухне. Я велел ему лечь обратно, сказав, что сам все сделаю, но Мартын заявил, что чувствует себя вполне окрепшим: он якобы отоспался за многие бессонные ночи и просит не заставлять его лежать. Впрочем, он пообещал лечь, как только устанет. После завтрака Мартын отправился к своей тете, чтобы поблагодарить ее. С этого времени действительно началась наша робинзонада, наша совместная жизнь.

Дядя Мартына был столяром, и до войны Мартын учился у него ремеслу. Теперь он принес от тети свои столярные инструменты и потихоньку начал оборудовать нашу квартирку. Еще он скромно заявил, что умеет готовить, поскольку на войне был офицерским поваром.

Когда доктор посетил нас снова, мы пригласили его к обеду и он похвалил кулинарное искусство Заполы. Доктор вообще остался очень доволен им и по достоинству оценил ту силу воли, с которой Мартын старался одолеть свою болезнь. Мне врач сказал, чтобы я позволил ему спокойно работать по мере сил; также он одобрил желание Мартына гото-

вить, поскольку для этого ему придется прерывать столярные работы и давать отдых левой руке, перенапряжение которой могло отразиться на сердце.

Я часто удивлялся, как мало нужно человеку, чтобы жить и быть удовлетворенным. «Вы, господин учитель, полностью посвятите себя школе, а об остальном я по возможности позабочусь сам», — заверил Мартын.

Этим он очень обрадовал меня, поскольку школа, которую я принял, была запущена во всех отношениях, особенно это касалось детей. Чувствуя себя совершенно беспомощным, я много времени проводил в молитве, чтобы получить силу и мудрость свыше. Хорошо еще, что у меня была с собой Библия, не то я, как говорит псалмопевец, *«погиб бы... в бедствии моем»* (Пс. 118:92).

В течение первой недели я еще не мог по-настоящему приступить к работе. Когда меня посетили школьный инспектор с пастором церковной общины из Валковичей, к которой относилась деревня, я попросил у инспектора позволения отремонтировать разошедшиеся оконные рамы, поломанные скамьи и стол, а также застеклить окна. Он разрешил, даже потребовал, чтобы я заказал новую школьную доску, учебные пособия и учебники. Но предупредил, что

мне придется набраться терпения, потому что все это школа получит не скоро.

В присутствии инспектора пастор поручил мне вести уроки богословия, поскольку зимой он сам уже не мог ходить так далеко, а викария у него не было. Я пожаловался ему, что дети очень отстали от программы и могут учиться только в двух низших классах. Они плохо читали и писали, считать почти совсем не умели, не говоря уже о других предметах. «Не удивляйтесь, — объяснил он мне, — ваш предшественник был пьяница и бездельник. Со временем вы наверстаете упущенное».

Посетители давно ушли, а я все сидел один в пустой школе, за партой, и, упершись лбом в поднятые ладони, молился. Я просил у Бога сил и много-много мудрости, поскольку моих собственных способностей было явно недостаточно, чтобы исправить положение.

Неожиданно эти грустные раздумья прервал стук в дверь. Я разрешил войти, и вскоре на пороге появился Запола.

— Господин учитель, — начал он, — вы не справитесь с восьмьюдесятью детьми в одном помещении. Я хочу помочь вам.

— Каким образом? — поинтересовался я.

— Когда я учился в школе, то часто помогал учителю. Пока он вел уроки для старших, я занимался с младшими в соседнем помещении. Я могу утихомирить непосед рассказами или увлечь их другими занятиями.

— Отлично, Мартын.

Однако, чтобы осуществить эту идею, нужно было навести порядок в классном помещении. Мой предшественник использовал его только в качестве чулана: там стояли поломанные парты и валялся всякий хлам. Также оно служило карцером: провинившихся запирали в нем после уроков. Дети не боялись наказания — в кладовке было много интересного, да и удрать из нее через выбитое оконное стекло не представляло труда.

В этот вечер, как и в прошлые, к Мартыну пришли соседи. Он рассказал им о наших планах и заботах. Они стали ругать школьное правление, которое все только обещало, но ничего не делало, так что положение не менялось.

— Люди добрые, — спокойно обратился Мартын к соседям, — ведь все это сломали наши дети. Наверное, здесь еще можно найти парты, на которых сидели младшие из вас в те годы, когда я помогал

учителю. Так давайте поможем починить то, что мы помогли сломать. Вот ты, Франц, столяр, а ты, Ян, хороший каменщик. Вы все владеете каким-то ремеслом. Если мы вместе возьмемся за дело, то справимся за два дня. Тогда вам останется только попросить жен, чтобы они побелили и вымыли классные комнаты, и у нас будет место для занятий с детьми.

— Ладно, мы поможем, — согласился Франц. — У меня найдутся доски и разные обрезки, чтобы починить полы и парты. Наверное, каждый из нас может что-нибудь сделать, чтобы в нашей деревне была приличная школа.

Все с этим согласились, и на следующий день работа закипела так, что к понедельнику школа была готова к занятиям.

В ночь с субботы на воскресенье я дважды слышал, как Мартын громко стонал. Я испугался, подумав, что он перетрутился. Но когда утром спросил его об этом, он покачал головой:

— Нет, это не сердце. Меня беспокоит совсем другое.

Увидев мой вопросительный взгляд, он продолжал:

— Вчера вечером вы сказали, что мы вместе начнем воспитывать из этих одичавших детей новых

людей, и вы говорили о Христе, помощь Которого нам необходима... Ваши слова заставили меня призадуматься... Мне стало ясно, что в этом я не могу быть вам помощником. Ведь вы доверили свою жизнь Иисусу Христу, а я... — Мартын замолчал. Потом тихо, но с волнением добавил: — Я грешный, погибший человек... Мне нет прощения!

Я обрадовался этому признанию. Человек, который считает, что у него все в порядке, никогда не поймет, зачем Божьему Сыну нужно было умирать за него.

— Если вы сознаете себя погибшим человеком, — сказал я спокойно, — то знайте, что в этот миг Иисус стоит перед вами и зовет вас. Когда-то Он и меня так призывал. Придите же к Нему сегодня, сейчас!

Мартын печально покачал головой:

— Не сравнивайте себя со мной. Вы не были на войне и не знаете, чем мы там занимались. Там происходило такое, что дома даже рассказать страшно. Мы жгли дома, грабили, убивали... После нас оставалась пустыня: горящие села и церкви, плачущие вдовы и сироты... Мы слышали стоны умирающих и не знали, кого убивали. Я видел окровавленные куски человеческих тел, взлетающие в воздух от разрыва гранат, — может, это моя граната

разорвала человека. Зверь убивает только для того, чтобы насытиться, мы же день за днем грабили, убивали и не насыщались... Эти ужасы постоянно мучают мою совесть, и это будет продолжаться вечно. Теперь, когда я снова живу в своей деревне, я осознал, кто я такой... Нет, для меня не может быть прощения!

На следующий день, когда Мартын убирал посуду после завтрака, его руки дрожали. Я не думал, что он еще вернется, чтобы, как обычно, почитать Библию. Однако он пришел, и я начал с того, на чем мы остановились вчера: *«Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю»* (Ис. 1:18).

— Мартын, — обратился я к нему после молитвы, — я слышал признание ваших тяжких грехов, теперь вы меня послушайте. Вам кажется, что когда-то вы были хорошим, непорочным и чистым, а сегодня — запятнанный кровью грешник. Когда Иисус открыл мне глаза, я увидел только то, что был мертвым в своих грехах и пороках и что мне необходимо начать новую жизнь, потому что старая обесценилась в глазах Бога. С детства я верил в то, что Иисус Христос умер за грехи людей, но меня это мало трогало, потому что я не считал себя безбожником. Теперь же мне стало ясно, что и я при-

частен к общему греху, за который умер Божий Сын. И Он пришел, чтобы найти и спасти меня. И когда я Его попросил, Он простил мне мою вину. Приняв Его в свое сердце, я обрел вечную жизнь. Так я пришел ко Христу. Ваши грехи велики, Мартын, я согласен. Я понимаю, что они гнетут вас — ведь вы не можете от них избавиться. Сам Бог не мог бы избавить вас от грехов, если бы Его Пречистый и Святой Сын не отдал за них Свою жизнь на кресте. Но Он заплатил за грехи всего мира, и всякому верующему в Него даруется прощение грехов.

В комнате воцарилась торжественная тишина. Мартын молчал, погруженный в глубокое раздумье. Вдруг он поднял голову и спросил:

— Господин учитель, вы считаете, что каждый из нас, несмотря на тяжесть грехов, может найти прощение у Бога? В том числе и те, кто развязал войну и погнал нас на бойню?

— Все, Мартын, — ответил я убежденно. — Но сегодня речь идет не о других, а о вас. Откройтесь же Господу, Который пожертвовал Собой ради вас! Не противьтесь, Он зовет вас. Он любит вас!

Это было благословенное воскресное утро. У меня не хватает слов, чтобы описать его. Добрый Пас-

тырь нашел свою заблудшую израненную овцу в глубоком темном овраге. Бури и непогода загнали ее туда, и она уже не могла выбраться сама. Казалось, для этого человека все было потеряно, невыразимое горе наполняло его душу. И вдруг он получил прощение, и мир благотворным потоком излился в его сердце.

— Он простил меня, Он принял! — вырвалось у него из груди, и он выбежал из комнаты, чтобы под открытым небом, на лоне прекрасной осенней природы, быть наедине со своим Богом и благодарить Его.

В то воскресенье я посетил богослужение в Валковичах, чтобы рассказать пастору о своем намерении организовать воскресную школу для учеников и познакомить пастора с программой. Вернувшись домой, я застал в классной комнате соседей и соседок. Они сидели вокруг Мартына, который рассказывал о положении в России. Его бледное лицо казалось необычайно прекрасным благодаря особенному выражению внутреннего мира и покоя.

Воцарилась такая радужная атмосфера, что мне было нетрудно сказать людям о воскресной школе, в которой я хотел познакомить детей с историями из Библии.

— Ну что, брат, — обратился я к нему на следующий день, — не хотите ли вы потрудиться со мной?

— Господин учитель! Когда смертельно больной человек нашел врача и лекарство, он обязательно захочет и другим помочь.

Мы тепло пожали друг другу руку. С тех пор мы стали жить вместе, как братья. Я хотел, чтобы мы называли друг друга по имени, однако он запротестовал и привел такие веские доводы, что мне пришлось с ним согласиться. Между тем внешняя форма не наносила ущерба нашему внутреннему единению: у нас были самые дружеские отношения.

Мартын мне во многом помогал. Дети его любили — ведь он говорил на их наречии, знал их образ жизни. Мне несколько мешало то, что я никогда не жил в селе. Я был человеком городским, только начинавшим привыкать к деревенской жизни. Мартыну же была знакома философия крестьянина, и на любой вопрос он отвечал точно и терпеливо. Каждую красиво написанную на грифельной доске работу он награждал тем, что рассказывал детям интересную историю, и они очень старались писать аккуратно. Когда я приходил в класс после него, дети всегда были спокойны и собраны, с ними было

легко работать. Постепенно они полюбили и меня.

Со старшими Мартын справлялся еще лучше. Он так интересно им рассказывал, что я с удовольствием сам бы подсел к ним, чтобы послушать его истории. Конечно, он не мог участвовать в их играх

на воздухе, но достаточно было, что он наблюдал за ними и время от времени делал одобрительные или осуждающие замечания. Мартын учил их давно забытым играм, в которые играли еще их отцы и деды.

Осень в начале моей работы в Тополеве стояла теплая и солнечная. Я часто проводил занятия по арифметике на природе, используя ее растительный и животный мир, чтобы привить детям любовь к этому предмету. Уроки гимнастики и труда также проходили на свежем воздухе. Дай, Боже, чтобы детям открылась и красота Твоего творения! Ведь они, за немногими исключениями, дети способные,

с открытыми душами. И наше первое занятие в воскресной школе им очень понравилось. Все пришли празднично одетые, серьезные, полные ожидания. Мы говорили о Самуиле* — его жизнь легко можно было сравнить с детством Иисуса.

Был конец октября. Прошло более восьми недель со дня моего прибытия в Тополево. Свободного времени у меня почти не оставалось. Появлялись все новые задачи, решение которых нельзя было откладывать.

В этот день я на часок оставил свои занятия, чтобы прогуляться. Я хотел пойти навстречу Мартыну, который уехал в город по делам и должен был вскоре вернуться. Наконец-то и власти начали интересоваться этим человеком, которого они живо похоронили в своих бумагах! Его часть отцовского наследства передали в отдел по вопросам опекунства, но, когда он возвратился, никто не поинтересовался, на что он будет жить и есть ли у него кусок хлеба. Хотя правление села сразу заявило о его возвращении и доктор предоставил подтверждающее свидетельство, ничто не изменилось.

* Мать Самуила посвятила его Господу и привела в Силом к первосвященнику Илию (1Цар 1). В святилище, под присмотром Илия, Самуил жил и служил Богу (1Цар 2:18,21).

Как же теперь решится его вопрос? Отдадут ли причитающуюся ему часть наследства? И если да, то хватит ли у него сил взяться за это запущенное хозяйство? Как вернуть проданные сельскохозяйственные инструменты? Его отчий дом и двор пришли в полное запустение...

Был еще один, намного более важный вопрос: как разрешится его семейная драма? Ведь у него были жена и сын. Раз он жив, следовало ли считать второй брак жены недействительным?

Я еще не говорил с ним об этой столь мучительной для него проблеме, чтобы не расстраивать Мартына и не вредить его здоровью. Но теперь, когда он придет, непременно заговорю. Соседи судачили об этом между собой, даже судья Гладкий сказал вчера, что этого нельзя оставить так.

Задумавшись, я остановился на холме и прислонился к среднему из трех деревьев, росших на склоне. Я смотрел вниз, на дорогу, протянувшуюся через долину, через лесок, вдоль шумного ручья... По этой дороге должен был прийти Мартын. Я оставался в одиночестве всего второй день, но мне его уже не хватало. Я беспокоился о своем друге.

Конечно, у меня есть братья и сестры, как и я, посвятившие себя Господу. Мы связаны друг с дру-

гом тесными узами. Письма, которыми мы обмениваемся, укрепляют нас в вере. Это чудесное общение, но то, что связывает меня с Мартыном, совсем другого порядка. Мне кажется, я еще никого не любил так, как его... Может быть, оттого, что Бог позволил мне сохранить ему физическую жизнь и привести к жизни духовной?

Мартын мало говорит о себе, но я вижу, как он насыщается Словом Божьим и постепенно преобразуется. Мы все еще живем в его комнате, хотя и моя уже готова. Однако вместе нам лучше. По вечерам мы беседуем, и он часто задает вопросы, на которые я с радостью отвечаю. Если же я не могу ответить, мы исследуем Библию, пока не найдем ответа. Я знаю, что в такие часы с нами Господь!

Когда мою комнату привели в порядок, я заказал у Сикоры мебель: кровать, шкаф, стол, стулья и книжную полку; у одной бедной ткачихи купил дорожки на пол. По обе стороны кафельной печи Мартын поставил скамьи, которые он сделал сам. Кровать и стол покрыли вишневыми покрывалами, которые я приобрел еще во время каникул. Даже занавески появились — белые с разноцветным орнаментом.

Они мне дороги, потому что это подарок сестры ко дню моего рождения.

Бабушка Запола попросила разрешения положить на мою новую красивую кровать лишние перины своей дочери, так как зимой она готовит пищу в комнате, а испарения вредят пуховым вещам. Я охотно согласился: хоть кровать не пустая. Бабушка застелила чистое белье на тот случай, если появится гость. Если я захочу поработать, когда соседи беседуют с Мартыном, то могу уединиться в своей уютной комнатке.

С деньгами вышло так, как и предсказывал доктор: я получил жалованье через два месяца, но сразу за все отработанное время, так что смог уплатить за мебель. Моих ста крон хватило как раз на два месяца.

Пока я размышлял обо всем этом, прислонившись к старой березе, мой взгляд неожиданно упал на берег ручья у края леса, где мы частенько сидели с Мартыном. Я и сегодня хотел дожидаться его там, но место оказалось занято.

На одном из пней, прислонившись к большому вязу, сидела женщина, чей вид удивительно гармонировал с грустным осенним пейзажем. Простое черное платье облегалo стройную фигуру, шелковый

черный платок был накинут на плечи, а поза выражала напряженное ожидание. На вид ей можно было дать лет тридцать. Рядом лежали зонтик и сумка, обувь на ногах запылилась...

Очевидно, женщина пришла издалека. Кто она и куда держит путь? Весь ее облик был словно овеян печалью.

Внезапно женщина оживилась. Она встрепенулась, вся подалась вперед, прижав руки к груди, а ее губы стали произносить какие-то слова — я, конечно, не мог разобрать их.

Я посмотрел вниз, на дорогу: что же могло вызвать это оживление? Тут мое сердце вздрогнуло от неожиданности: из леса показался Мартын. Он приближался к женщине.

И в это мгновение я понял, кто она... Так значит, это и есть его жена, которую он любил больше неба и земли и которая принадлежала теперь другому человеку! Невозможно, чтобы эта женщина изменила, предала их любовь! Вся ее внезапно выпрямившаяся фигура олицетворяла любовь, вечную любовь... Как бы ни сложились обстоятельства, она и теперь крепко любила своего первого мужа. Ее сердце осталось верным ему.

Теперь и Мартын увидел ее. Он остановился,

словно замер. Как описать трагедию этого свидания после долгой разлуки? Ее невозможно передать словами... Только теперь я понял, какой глубокой была любовь, которую Мартын скрывал в своем сердце! Раскрыв объятия, он приблизился к ней.

— Дора... — услышал я его сдавленный голос. — Дора!..

— Мартын, мой Мартын! — ответила она.

Супруги, тесно связанные узами любви, но разлученные по вине людей на долгие годы, не заключили друг друга в объятия. Оба вдруг отступили на шаг. Руки Мартына упали, а она снова опустилась на пень, будто желая провалиться сквозь землю. Душевные мучения стали для нее физической болью.

Мартыну же они могли стоять жизни.

Незамеченный, я пережил эти ужасные мгновения вместе с ними. Нет, теперь совсем не подходящий момент, чтобы обнаружить себя... Стараясь ступать осторожно, я поспешил укрыться в зарослях.

«Лучше пусть разверзнется земля и поглотит меня, несчастную!» — услышал я причитания женщины. Мартын сел на пень напротив нее. Оба молчали.

Наконец женщина выпрямилась и открыто посмотрела в бледное лицо мужа:

— Так значит, ты действительно вернулся... — начала она. — Да, люди не обманули. Я вижу тебя живого, но что мне от этого? Ведь мы разлучены!.. И все по моей вине. Мы даже не можем прижать друг друга к груди! Наверное, там, в плену, ты пережил много ужасного, но самое страшное ждало тебя здесь. И я одна в этом виновата! Это из-за меня ты не нашел здесь ни жены, ни сына, ни дома... Годами я жила надеждой на встречу с тобой, на тот час, когда я подведу к тебе Яника, а теперь...

Она умолкла, а затем тихо, почти неслышно проговорила:

— Теперь верность твоей жены нарушена...

Мартын покачал головой:

— Жена по закону привязана к мужу, пока он жив. Ты же несколько лет оставалась вдовой, прежде чем снова выйти замуж. Так что о нарушении верности нечего и говорить.

— Чиновники объясняли мне то же самое, — за-

метила она печально. — Я благодарна тебе за то, что ты тоже так считаешь. Я ведь пришла просить у тебя прощения. Всю вину я беру на себя, ни в чем не оправдываюсь! Одного я только не вынесу: если ты станешь думать, будто я искала новой любви в то время, пока ты страдал на чужбине. Поэтому позволь мне рассказать тебе, как все это вышло.

Мартын схватил ее руку и крепко сжал:

— Я слушаю, Дора, рассказывай...

— И ты мне поверишь?

— Поверю, Дора, я ведь всегда верил тебе.

Я не посмел мешать им в этот миг, поэтому мне пришлось улечься за кустами в траву и услышать весь разговор супругов.

Дора начала свой печальный рассказ так:

— Когда в 1916 году правление села и пастор известили нас о том, что ты будто бы погиб на войне с Россией*, вся семья поверила в это, только я одна не могла смириться. Нехотя я пошла в церковь, потому что не желала слышать похоронные речи. Как ни старались убедить меня в твоей гибели, я была уверена, что ты жив и рано или поздно вернешься домой...

* С 1867 г. Словакия входила в венгерскую часть Австро-Венгрии, воевавшей во время Первой мировой войны на стороне Германии.

Отец же твой с горя стал прикладываться к бутылке и постепенно совсем спился. Он даже не хотел видеть Яника, которого прежде так любил, потому что мальчик напоминал о его беде. Хозяйство разваливалось — никто им не занимался... Я уже не могла угодить твоему отцу и решила наняться в прислуги, думая уберечь сына от того, что окружало его здесь. Попросилась к моей прежней хозяйке, и, хотя она предложила мне небольшое жалованье, согласилась. Нам с Яником хватало. Так прошло два года...

А потом мне пришлось вернуться к твоему смертельно больному отцу, чтобы ухаживать за ним. Перед смертью он очень уж изводился, что оставляет такой беспорядок в хозяйстве, хотел примириться с Богом... А в последнюю ночь вдруг вскинулся на кровати и воскликнул: «Ты права, Дора, что не веришь в смерть Мартына! Я видел сейчас, как он пришел ко мне и просил: "Не тужите обо мне! Я жив и обязательно вернусь домой"». Эти слова меня утешили. Я верила им...

Когда война кончилась, я снова возвратилась на старое место. Меня нередко высмеивали за то, что я не хотела расстаться с покойником, как они называли тебя. Но я не обращала на это внимания. Потом

хозяйка переселилась в Будапешт, где жил ее муж, венгерский офицер-инвалид. Она отдала мне ключи от дома и попросила ухаживать за садом. За это мне разрешили жить в кухне и пользоваться баней. В ней я устроила прачечную, где стирала мужские сорочки и белье, и от всего сердца благодарила Господа за то, что моя жизнь не так уж плохо устроена.

Однажды, когда я как раз приготовила полную корзину белья для глажения, прибежал Яник и сказал, что меня ждет какая-то женщина. Это была санитарка из городской больницы. Ее прислал солдат, который хотел мне что-то рассказать о тебе. Я так спешила, что санитарка едва успевала за мной. Но, к сожалению, ее весть оказалась печальной!

Уларик — так представился солдат — назвался твоим товарищем. Он рассказал мне о страшном бое, в котором полегло множество солдат. Убитых хоронили в братской могиле, и каждый слой трупов посыпали гашеной известью. Так вот, он сказал, будто сам положил тебя в последний ряд... Говорил, что плакал, — ведь вы были друзьями. Ты вроде бы так окоченел уже, что он даже не смог закрыть тебе глаза... Потом враг внезапно пошел в атаку, и пришлось все бросить — не было времени даже засыпать могилу.

Я знаю, что тот солдат по доброте своей пытался помочь мне, хотел вывести меня из неопределенности. Однако для меня это известие стало хуже смерти. Все мои надежды рухнули! Все, ради чего я еще жила, оказалось погребено в одночасье. На ватных ногах я добралась домой... Если бы не сын, я бы, наверное, покончила с собой. Ночи напролет я лежала без сна и видела перед собой лишь ту братскую могилу, в которую тебя положили... В то ужасное время отчаяния и тоски я забывала о ребенке, о работе... Я хотела лишь умереть.

Люди перестали приносить мне работу, так как я ее либо совсем не делала, либо делала второпях и плохо. Только лавочник Гаек не забывал меня: он был моим лучшим клиентом. С бельем обычно присылал мальчика, но рассчитывать всегда приходил сам. Помимо приветствия мы обменивались лишь скухими словами. А с Яником он разговаривал охотно, и мальчик любил его за подарки, которые тот ему неизменно приносил.

Однажды, заплатив за белье и завернув его, Гаек спросил: «Что с вами, госпожа Запола? Вы не больны? У вас всегда был такой порядок, работа спорилась и мальчик выглядел ухоженным, а теперь...» Меня его слова словно ножом полоснули

по сердцу. «Я слышал, — продолжал Гаек, — что вы все еще не можете поверить в смерть вашего любимого супруга. Но что бы он сказал, если бы действительно уцелел и вернулся домой?» Я не могла больше сдерживаться и все ему открыла. «Все кончено, — рыдала я, — он никогда не вернется! Его зарыли! Годами я его ждала, надеялась — и все напрасно. Зря я молилась! Нет там наверху никого, кто мог бы нас услышать...» Он хотел меня утешить и заметил, что есть еще жизнь вечная, где мы с тобой обязательно встретимся... Я ответила очень грубо. Он только покачал головой и попытался остановить меня: «Одумайтесь! Вы сейчас не знаете, что говорите. Но помните, что без веры в воскресение Христа, а тем самым и в наше, мы самые несчастные создания. Меня воспитали благочестивые люди. Но, оказавшись на чужбине, а потом — на войне, я утратил детскую веру и стал, как все. А когда вернулся домой и вместо невесты, которую любил, как вы своего мужа, нашел только ее могилу, я понял, что без веры в воскресение, в новую встречу, человек самое несчастное создание на земле. Однако Бог милосерднее, чем мы думаем. Он даровал мне надежду на вечную жизнь и силу для жизни здесь, на земле. Вы должны верить, что встретитесь с вашим

мужем, тогда вы сможете перенести боль и жить дальше».

Да, Бог действительно добр и милосерден, Он не наказал меня за богохульство. Я поверила, что когда-нибудь мы с тобой встретимся, но мое здоровье было подорвано горем. Я уже не могла прокормить себя и мальчика. К тому же хозяйка именно в это время полного моего отчаяния и безысходности продала дом, а новый хозяин отказал в жилье. Снять квартиру я не могла. И тогда решила подыскать себе другое место работы, а Яника, как ни тяжело это было, отдать тетушке Заполе — там он был бы обеспечен.

После того нашего первого разговора Гаек стал помогать мне советами и проявлять заботу о мальчике. Когда я рассказала Гаеку о своем решении, он долго сидел задумавшись, а потом вдруг встал и сказал: «Мы с вами потеряли самое дорогое, что было у нас на земле. Я, как и вы, никогда не думал о женитьбе, но, может быть, наша жизнь наладится, если мы соединим свои судьбы? Я больше не буду одиноким, если у меня будет о ком заботиться, а вам не придется расставаться с ребенком. Я люблю Яника и хотел бы воспитать его так, чтобы ваш муж, когда вы встретитесь в вечности, радовался бы за

него. Подумайте над этим, а через неделю я приду за ответом». Он тепло посмотрел на меня, пожал на прощание руку и ушел. Для меня же началась неделя с бессонными ночами и тревожными днями. Еще прежде, чем истек назначенный срок, я послала за Гаеком и сказала ему, что не могу выйти за него, ибо больна и близка к смерти. Он бы со мной только мучился, и мой сирота стал бы ему в тягость...

Увидев, как глубоко я несчастна, он смог найти слова, которые меня переубедили: «Я действительно хочу помочь вам от всего сердца, госпожа Запола, но это возможно лишь в том случае, если мы заключим брачный союз перед Богом и людьми. Я готов вылечить вас либо, если придется, ухаживать за вами до самой смерти... И о вашем мальчике я позабочусь, но смогу сделать это только при условии, что вы как моя жена препоручите его мне».

Ах, Мартын, мне казалось, что не сегодня-завтра я умру! И надежда, что у Яника будет защитник, заставила меня дать согласие. Нас обвенчали в Чехии, на родине Гаека. Его мать и сестра два месяца ухаживали за мной, благодаря их любви и заботе я и выжила...

Между тем Альберт Гаек перебрался в город, где нас никто не знал, и приехал за мной. Я была навеки

обязана ему и его семье, поэтому изо всех сил старалась отблагодарить их. Я полюбила Гаека как брата за его благородный характер. Но, приучив себя к мысли, что мы с тобой уже никогда не увидимся на земле, я все же никогда не переставала любить тебя, Мартын! Даже когда у нас с Альбертом появился сын, я тебя не забыла.

Когда до меня дошел слух, что ты вернулся, и я поняла, что сон твоего отца сбылся и моя надежда оправдалась, я больше не могла видеть Альберта и нашего маленького Вернера.

Я чуть с ума не сошла: ты пришел с войны, а я не могу радостно выбежать тебе навстречу, обнять тебя...

Снова наступило молчание, затем Мартын спросил:

— А кто принес вам это известие?

— Об этом написали в газете со всеми подробностями: как ты пришел домой; как лежал в пустом доме на соломе, убитый моей неверностью; как чужой человек вернул тебя к жизни и взял к себе... Вот я и рассказала тебе все, Мартын... Ты веришь мне?

— Да, Дора, я верю тебе. Вы оба невиновны. Он взял жену, которая официально уже четыре года

была вдовой, а ты хотела спасти нашего ребенка. Да, вы оба невинны, Господь знает это.

— Ах, Мартын, не надо мне было тогда соглашаться... Уж лучше бы я умерла! Если бы тот солдат не рассказал мне, что он сам положил тебя в могилу, я бы никогда не поверила в твою смерть. Зачем он так обманул меня?!

— Он не обманул тебя, Дора... — Мартын попытался успокоить жену. — Уларик действительно был одним из моих лучших товарищей. Он нашел меня на поле боя, где я собирал наших мертвых и раненых. Он не знал, что как раз тогда я вновь пережил один из тех приступов, которые стали случаться у меня из-за ужасов войны. Он не знал, что я чувствовал, как он нес меня, слышал, как он плакал, и что мне было очень больно, когда он пытался закрыть мне глаза.

Когда он положил меня рядом с мертвыми товарищами, я отчаянно пытался подать хоть какие-то признаки жизни. Но в тот момент заиграли сигнал тревоги, и сразу же раздался адский стрекот пулеметов, взрывы бомб и свист летящих снарядов... Звуки боя окончательно вывели меня из оцепенения. Я выскочил из ямы и побежал куда глаза глядят. Вскоре врага отбросили на прежние позиции, и

капеллан отпел павших, имена которых были у него в списке. Среди них значился и я. Никто не мог знать, что меня уже не было среди мертвых. Меня нашли русские среди своих раненых и забрали с собой как военнопленного... Вот, Дора, моя история, которая стала для нас роковой... А теперь пойдём к тете — уже поздно, поговорим ещё по дороге.

Они поднялись и прошли совсем близко от моего укрытия, не заметив меня. Когда они скрылись за холмом, я тоже отправился домой.

Мартын пришел раньше и уже готовил ужин. Он сказал, что был у тети. Лишь лицо моего друга было немного бледнее обычного — больше ничто не выдавало его недавних переживаний. Спокойно, как всегда, он принес мне почту: письмо из школьного правления, деньги на текущие расходы и пакет с учебными пособиями.

— Почитаем еще? — спросил он меня.

— Да, Мартын, — отозвался я. — Вы, наверное, устали с дороги. Почитаем сто двадцатый псалом и ляжем спать.

Он сложил руки, как для молитвы. Самыми утешительными для него, очевидно, были слова: *«Не даст Он поколебаться ноге твоей, не дремлет хранящий тебя...»* — и конец псалма:

«Господь будет охранять выхождение твое и вхождение твое отныне и вовек» (Пс. 120:3;8).

После чтения мы всегда молились. Но сегодня я решил, что это невозможно, пока Мартын не узнает, что мне все известно. Поэтому, положив руку на его плечо, я сказал, что знаю о его встрече с женой.

Реакция Мартына для меня оказалась неожиданной. Он вдруг оживился:

— Значит, вы знаете, что она невинна? — произнес он почти радостно, слегка покраснев от волнения.

— Да, Мартын, знаю! Но как теперь быть?

— Этого я тоже не знаю. Помолитесь вместе со мной о том, чтобы Господь открыл мне Свою волю. По дороге домой мне казалось, что она ясна мне. В городской управе мне сказали, что брак Доры с Гаеком так же законен, как и брак со мной. Жена должна сделать выбор. Кого она изберет, тот останется ее законным мужем. Я решил было отступить от своих прав и попросить ее лишь отдать мне сына. Но вот она сама пришла...

— Да, она сама пришла, — повторил я, поскольку Мартын замолчал, задумавшись. — И она принесла с собой всю свою любовь, которая не угасла рядом с таким благородным человеком, как ее второй муж.

Мартын почти испуганно отмахнулся:

— Знаю, знаю, но, пожалуйста, не говорите об этом. Не будите того, что я по дороге домой уже похоронил: мою любовь к ней и желание иметь родной очаг и семейное счастье.

— А почему эти ваши желания нужно похоронить? Вы говорите, что она вправе сделать выбор. Как она могла бы продолжать жить с Гаеком, если ее сердце принадлежит вам? Конечно, все вы, трое, будете страдать от этого.

— Да, вы правы... Но подумайте и о том, что я больной человек. Недавно меня обследовал врач. Так как я хотел знать правду, он не стал скрывать, что я проживу недолго, даже если буду беречь себя. Он запретил мне столярничать. Мое маленькое хозяйство нас не прокормит, оно требует тяжелого труда. Если бы Дора вернулась ко мне, она бы вскоре снова осталась одна. Она бы зря рассталась бы с Гаеком и маленьким Вернером. Нет, я откажусь! Разве Иисус был бы доволен мною, если бы я последовал своим желаниям, не считаясь с благом Доры?!

Голос Мартына дрожал. На его порозовевших щеках появились пятна, выдававшие волнение.

— Не будем больше об этом говорить, Мартын, —

отвечал я. — Лучше помолимся и послушаем голос Бога, ибо Он утешает нас: *«Вразумлю тебя, наставлю тебя на путь, по которому тебе идти; буду руководить тебя, око Мое над тобою»* (Пс. 31:8).

На следующий день, когда я разбирал новые учебные пособия, а Мартын в соседнем помещении занимался с мальчиками, ко мне пришла гостья. Это была Дора. Она хотела поблагодарить меня за то, что я приютил Мартына. Я обрадовался ее посещению и рассказал ей, почему так забочусь о нем. Когда я объяснил ей, что не хотел бы, чтобы после земных страданий его ждали вечные мучения, она с недоумением возразила:

— Но он ведь никогда не был плохим человеком, почему же ему предстояли вечные мучения? Бог определенно взял бы его к Себе. А то, что ему приходилось делать на войне, делали все.

Чтобы объяснить ей суть вопроса, мне пришлось начать издали:

— Иисус сказал Пилату: *«...более греха на том, кто предал Меня тебе»* (Ин. 19:11). Он не сказал, что Пилат безгрешен. Слово Божие говорит нам, что нет ни одного человека без греха. Все согрешили и лишены славы перед Богом. Поэтому все люди должны знать, что они могут быть спасены только

из милости. Мартын вам, наверное, сказал, что он уже испытал на себе эту милость.

Дора серьезно посмотрела на меня и так же серьезно ответила:

— Да, он считает себя потерянной овцой, которую Сын Божий искал и нашел, считает, что Он простил ему все грехи и даровал вечную жизнь.

Перемена кончилась, и дети вернулись в класс, так что нам пришлось прервать беседу. Я протянул Доре руку и пошел проводить ее. На прощание она сказала, что тетюшка приглашает нас с Мартыном на обед.

И хотя за столом говорили о серьезных вещах и читали Слово Божие, к нашему разговору о спасении мы больше не возвращались. Вечером Дора уехала домой на поезде. Мартын отвез ее на вокзал.

После его возвращения мы еще немного посидели вместе. Он сказал, что попросил Дору пригласить к нам Гаека, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию вместе с ним. Но все зависит от Доры: как она решит, так и будет.

Во время вечерней молитвы я просил Господа поскорее разрешить это дело, потому что видел, как страдал мой добрый Мартын от неопределенности своего положения. Днем он искал забвения в работе,

но ночью нередко подолгу лежал без сна, мучимый тяжелыми мыслями. Он радовался, если в такие часы я подсаживался к нему и разговаривал с ним. Во сне его частенько преследовали ужасы войны. Холодные компрессы и чай с корнем валерианы немного облегчали страдания тела, а Слово Божие и молитва приносили мир душе.

Часто, сидя по ночам около него, я думал: «Почему она, Дора, должна оставаться с Гаеком, когда ее любимый муж так страдает? Если он когда-либо и нуждался в нежной руке и любящем сердце женщины, то именно сейчас». Он знал, с какой радостью я ухаживал за ним, но его мучило, что наутро я выглядел усталым и невыспавшимся.

В те дни в деревне началась эпидемия ветрянки. У доктора появилось много работы, но он навещал нас каждый день.

Однажды даже остался на ночь, и это было очень кстати, потому что у Мартына снова случился приступ, совершенно лишивший его сил. Доктор хотел посмотреть, что я делаю в таком случае. Он тихонько зашел в нашу комнату в тот момент, когда мы углубились в молитву, так что не слышали его прихода. Когда мне удалось успокоить больного, врач дал ему лекарство, и Мартын уснул. Доктор

же, задумавшись, остался сидеть рядом со мной.

— Напрасно вы мучаетесь, — сказал он. — Заполе может помочь только возвращение жены. Эта радость развеяла бы все его скорби.

Значит, и доктор разделял мое мнение. Я помолился еще горячее о том, чтобы Господь поскорее разрешил это запутанное дело.

На следующий день, когда я проверял тетради, а Мартын занимался с малышами, кто-то постучал в дверь. Я открыл. Передо мной стоял незнакомый человек высокого роста. Я сразу догадался, что это Гаек, потому что именно таким описывала его Дора.

— Я рад, — начал он, сев на предложенный стул, — познакомиться с вами, господин учитель. Вы уже так много сделали для нас, что я и теперь могу надеяться на вашу помощь.

— С удовольствием, если только смогу.

— Вы, наверное, знаете нашу историю?

— Да, знаю. Не знаю только, как вы представляете себе будущее. Господин Запола пригласил вас, чтобы поговорить. Он хочет, чтобы ваша жена сама решила, как быть дальше.

— А что тут решать? — печально спросил он. — Предположим, вы оказались бы на моем месте, как бы вы поступили?

— Я бы вернул господину Заполе его жену и сына, даже если бы меня это погубило.

— Так поступил бы каждый честный человек, а тем более я, который невольно наделал столько бед.

— Но ведь вы же хотели помочь несчастным, — успокаивал я его, — вы желали им добра.

— Да, это действительно так, и в этом мое единственное утешение. Моя мать с самого начала не одобряла эту женитьбу. Она говорила: «Ты думаешь, что должен опекать вдов и сирот, будто Отец Небесный не в состоянии позаботиться о них!» Она считала, что мужчина никогда не должен жениться на женщине, которая думает только об умершем муже. Однако познакомившись с Дорой, матушка полюбила ее, особенно когда увидела, какой у нас образцовый порядок и как она заботится обо мне. Я, конечно, знал, что она никогда не забудет своего мужа, что меня полюбила только как сестра, но и тем был доволен. Мое семейное счастье светило, как солнечный день, но так же быстро и прошло. Как горько, что я остаюсь один с ребенком и что у него не будет матери! Но и она никогда не забудет нашего мальчика, ведь это ее родное дитя.

Гаек говорил так, будто стоял у открытой могилы.

— А если господин Запола не собирается заби-

рать вашу жену? Ведь он знает, что ваш брак законный, — заметил я после некоторого молчания.

Гаек покачал головой.

— Если решение принимать Доре, я знаю, каким оно будет, — ответил он устало.

За разговором прошло время, и мне пора было идти на урок.

— Простите меня, пожалуйста, — прервал я беседу, — меня ждут дети. Я позову господина Заполу.

Я встретил его во дворе радостного и возбужденного от общения с детьми.

— В моей комнате вас ждет господин Гаек. Он хочет поговорить с вами.

Мартын, прикрыв глаза, на мгновение прислонился к входной двери.

— Бог с вами, — подбодрил я его.

— Да, Он поможет!

После занятий я пошел в кухню. Из комнаты Мартына слышались голоса.

«Надо бы зайти к ним», — подумал я и осторожно открыл дверь.

Они сидели за столом, перед ними лежала раскрытая Библия. Их лица были не то чтобы печальными, скорее серьезными.

— Ты веришь, Гаек, что я не могу иначе? — тихо спрашивал Мартын.

— После того как ты представил мне ситуацию в таком свете, я верю и думаю, что и Дора с этим согласится. Скажи ей обо всем, только поаккуратней. Помни, что она ждала тебя столько лет, и теперь ее сердце полно радости от того, что видит тебя живого, даже если эта радость не без печали. Как больно ей было бы узнать сейчас, что скоро она снова должна потерять тебя.

— Сначала ты с ней поговори, Альберт. Ты лучше объяснишь ей все.

Мартын так дружески посмотрел на Гаека, что никто на свете не заподозрил бы, что связывало и разделяло этих двух мужчин. В этот момент Гаек заметил меня:

— Как хорошо, что вы уже вернулись, господин учитель, мы вас давно ждали. Я хотел бы, чтобы господин Запала еще раз, в вашем присутствии, повторил то, что он требует от меня. Хотелось бы услышать ваше мнение.

— Хорошо, я готов.

Мартын начал:

— Я думаю, Дора должна вернуться ко мне, чтобы ухаживать за мной. Я уверен, Бог послал мне

эту болезнь, чтобы показать Свою волю. Поэтому пусть Дора придет ко мне как сестра, а не как жена. Пусть и соседи знают, что мы не будем жить как супруги. Таким образом, если Господь заберет меня к Себе, Дора сможет спокойно вернуться к своему мужу. Это никого не введет в соблазн, и имя Господне не обесчестится. Если же Господь сохранит мне жизнь и восстановит мое здоровье, так что я смогу обеспечить семью, Гаек будет столь добр, что примет это как решение Господа и вернет мне жену. Такой совет я получил в ответ на свою молитву о водительстве Христа.

Мартын замолчал, устремив на меня просящий, но вместе с тем твердый взгляд.

— Вы согласны с этим, господин Гаек? — спросил я.

— Согласен. Такой совет действительно мог дать только Бог.

— Вы правы, — согласился я, — пришлите к нам поскорее Дору...

— Да, тотчас же! И Яника к вам отправлю... Пусть они принесут тебе счастье и здоровье, Мартын, — все, чего желает твоя душа.

Нам нелегко было проститься с Гаеком. Он казался мне кимвалом*, звучащим чисто и ясно,

настоящим мужчиной без фальши. Я видел в нем человека, много знающего о Боге и ищущего единения с Ним. Мне было больно лишь от того, что зная так много о распятии и воскресении Христа, Гаек не знал Его как своего личного Спасителя. Он стоял на перекрестке, не решаясь выбрать ни широкий, ни узкий путь — ни в мир, ни в Царство Божие. Но теперь его глаза открылись, и он увидел, что у нас есть нечто, чего ему не хватает, то, по чему он давно тосковал.

Я пережил со своим Пятницей прекрасную робинзонаду. Однако верно и то, что мы, мужчины, не можем долго обходиться без женщин. То, что без них наша жизнь лишена гармонии, я вижу только сейчас, когда мы уже не одни, когда Дора заботится о нас. Она приняла предложение Мартына. «Я на все согласна, лишь бы быть рядом, лишь бы ухаживать за тобой, — сказала она ему сразу после приезда».

Кроме постельных принадлежностей и одежды она привезла кое-что из мебели, так что наша хи-

* Кимвалы (цимбалы) — два медных тарелкообразных диска, которыми ударяли друг о друга. Кимвалы использовались как аккомпанирующие инструменты для создания сильного шумового эффекта, они имелись и в храмовых оркестрах (2Цар. 6:5; 1Пар. 15:16,19; 25:1; 2Пар. 5:12; Пс. 150:5).

жина продолжала благоустраиваться. Но главное — она привезла сына Мартына.

Когда отец с ним расстался, Яник еще лежал в колыбели, теперь же ему исполнилось одиннадцать лет. Он был похож на отца как две капли воды. У меня появился еще один ученик, причем весьма одаренный. Своим внешним видом он отличался от других, его скорее можно было принять за господского сына, однако он хорошо ладил со всеми ребятами.

Его мать жаловалась, что он вспыльчив, упрям и деспотичен, и вскоре мы получили возможность убедиться в правоте Доры. Но радостные надежды давало то, что достаточно было одного взгляда Мартына, чтобы мальчик опомнился. Отец, о котором он годами слышал лишь самое лучшее, которого ему так не хватало и чью гибель он горько оплакивал, этот отец — его идеал — и теперь владел всем сердцем мальчика. Он наслаждался его любовью, наслаждался возникшей между ними близостью...

Однажды, когда Мартын проверял его письменные задания, мальчик осмелился как бы невзначай прижаться к груди отца. И когда тот, обрадованный проявлением нежности, ласково погладил ребенка

по голове, Яник обвил его шею обеими руками со словами: «Папочка, мой папочка!» Как я счастлив, что стал свидетелем этой сцены!

Яник был неразговорчив, скорее мечтателен, но Мартыну он рассказывал все. Зная, что отец нездоров и ему нельзя поднимать тяжести, мальчик заботливо оберегал его. Чем бы Яник ни занимался, он тотчас бросался на помощь, если Мартын отправлялся к колодцу за водой. Когда отец рассказывал что-нибудь ребятам, Яник всегда сидел рядом — никто не мог занять его место. Он внимательно слушал Мартына, пристально глядя на него. Они и спали в одной комнате. А Дора поставила свою кровать в кухне. Дверь она не закрывала, чтобы услышать, когда мужу понадобится что-нибудь.

Но необходимости в этом не было. Доктор оказался прав: возвращение родных дало ему новые силы. Пропали кошмары, мучившие по ночам. Теперь, если Мартын внезапно пробуждался ото сна и слышал здоровое дыхание своего мальчика, он тотчас успокаивался и благодарил Господа за эту радость. Все ужасы немедленно исчезали.

Недавно нас снова посетили школьный инспектор и пастор. Теперь школа понравилась им и внут-

ри, и снаружи. Земля в саду была вскопана, ветки на деревьях обрезаны, а главное — дети стали совсем другими. Я показал гостям забор, который ребята починили под руководством Сикоры на уроках труда.

Потом инспектор и пастор посетили урок, во время которого Мартын рассказывал детям истории из своей жизни. Они остались очень довольны и пообещали выхлопотать для моего помощника двести крон. От доктора они были уже наслышаны о трагических событиях в семье Заполы и о последних переменах в его судьбе.

— Этот человек поступил очень разумно, — заметил позднее инспектор, — хотя и принес большую жертву. Ведь он, наверное, уже недолго проживет. Зато его жена сможет утешиться тем, что находилась рядом с мужем до самого конца и ухаживала за ним.

Я пригласил чиновников на обед. Они сидели за красиво накрытым столом в моей комнате, и Дора прислуживала им, как ее научили в том доме, где она работала. Гостям это очень понравилось, и они были весьма предупредительны с ней.

Между тем приближалось Рождество, и через зимний лес к нам из соседней деревни часто доно-

сился колокольный звон, созывавший людей на богослужение. Жаль, что до церкви так далеко. Зато у нас каждый вечер с шести до семи занятия с молодежью. Мы готовим рождественскую программу, с которой хотим выступить в сочельник.

Я слышал, что именно в этот вечер в Тополеве и окрестных хуторах творится много нехорошего: пьянки, драки и тому подобное. Дай Бог, чтобы наше торжество направило мысли людей к более благородным целям!

После занятий с молодежью приходят люди постарше. Мы читаем Слово Божие, поем рождественские песни, готовимся к следующему богослужению.

Вечер заканчивается молитвой. Люди задумываются над услышанным, и я благодарю Бога за это. Все они чувствуют, что я люблю их, и отвечают искренней привязанностью. Особенно это проявляется, когда я прихожу навестить заболевшего ребенка. Они даже позволяют мне открыть окна и двери, что никому не разрешается в этом непросвещенном захолустье, пребывающем в плену суеверий.

Долгие времена этот народ умышленно держали в неведении. Отдельных людей, пытающихся по-

мочь ему, заставили замолчать, а те, которые получили образование, часто потом чуждались среды, из которой вышли. И губит этих людей грех. Помочь им могли бы школы, в которых краеугольным камнем стало бы учение Христа, — тогда Его Слово сделалось бы правилом и мериллом жизни. Но, к сожалению, таких школ у нас еще нет.

Но возведем очи горе, туда, откуда приходит нам помощь! Разве Господь не в силах пробудить нас к жизни? Разве Он через Духа Святого не может зажечь в нас любовь ко Христу, чтобы наши сердца загорелись ответной любовью и мы могли всю свою жизнь посвятить воспитанию грядущего поколения в духе истины нашего Спасителя?!

Прошел наш рождественский вечер. Он стоил нам много труда, борьбы, не обошлось и без разочарований. Однако праздник удался. Хотя враг постоянно пытался испортить торжество, Бог оказался сильнее!

Мои мальчики и девочки пели так, будто научились этим песням в самом Вифлееме. Звучало Слово Божие, читались стихи. На большой елке, подарке лесника, красовались огни свечей и украшения. И под этой елью мне было так легко и радостно говорить о Спасителе, рожденном в Вифлееме,

Который хочет дать нам вечную жизнь! Я напомнил присутствующим о величайшем рождественском даре нашего Небесного Отца и просил принять этот дар, «ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного» (Ин. 3:16), а «тем, которые приняли Его... дал власть быть чадами Божиими» (Ин. 1:12).

После торжества мы с Мартыном еще некоторое время стояли под сверкающей огнями елкой. Кругом все стихло, взрослые и дети уже ушли из школы. К нам подошла Дора; она обняла Мартина и печально сказала:

— Мартын, дорогой мой, обними меня хоть сегодня — ты ни перед кем не согрешишь. У тебя есть Иисус Христос, Божий Сын, а я одна на всем свете...

Он привлек ее к себе, нежно поцеловал, а затем ответил:

— Почему же ты одна, Дора? Ведь в этот вечер нам был дарован Спаситель, так прими же этот дар!

И к нашей величайшей радости Дора признала Сына Божьего своим Господом и Спасителем...

В первый день Рождества мы с Дорой отправились в церковь. Свежий зимний воздух бодрил, снег хрустел под ногами. На душе было легко.

На холме, повыше Валковичей, мы остановились, чтобы передохнуть и полюбоваться чудесным зимним пейзажем. Заиндевевшие сосны, украшенные серебром и бриллиантами, облеклись в честь праздника в свой лучший наряд. Солнечные лучи ласково пронизывали туман золотыми нитями. Городок у подножия холма напоминал своими заснеженными крышами и башнями церковей зимнюю сказку.

— Как прекрасно Божье творение в зимнем одеянии, — тихо заметила Дора, словно боясь нарушить тишину этого утра.

— А как чудесно будет когда-нибудь там, где улицы белее снега, а жилища людей украшены настоящими бриллиантами! — согласился с ней я.

— Странно, — призналась Дора после некоторого раздумья, — ведь все это мне давно знакомо... Как часто я бывала здесь, но никогда эта местность не

казалась мне такой очаровательной! Наверное, это оттого, — но, пожалуйста, не удивляйтесь моим словам, — что я еще никогда не достигала такого внутреннего покоя, такой ясности, как сегодня. После нашего разговора в школе мне стало казаться, что у меня словно пелена спадает с глаз. Чего я только не пережила перед Рождеством! Но я никогда не чувствовала себя такой несчастной и потерянной, как вчера, во время этого торжественного вечера. Я знала, что и у вас, и у Мартына в душе царит мир, который я еще только искала; и я знала, что меня от Мартына отделяет нечто большее, чем мое второе замужество. А сегодня...

Она замолчала.

— А сегодня? — попытался помочь ей я.

— Сегодня словно рождественские колокола звучат в моем сердце, которое еще вчера было таким больным и растревоженным. Сегодня и моя душа в праздничном одеянии. Никто на свете не мог бы объяснить, что случилось, но я чувствую, даже знаю, что со мной что-то произошло... Не то чтобы я стала лучше, нет, но я обрела великое сокровище в моем сердце — Иисуса Христа.

Она умолкла, потому что в католической церкви зазвонили колокола. Казалось, будто и они возве-

щают ангельскую весть: «...слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» (Лк. 2:14). Мы прибавили шаг, чтобы вовремя прийти в нашу церковь.

Прошло много дней. Природа пробуждалась. Снег начал таять, зашумели ручейки, бурно побежавшие с гор в долину. Начали зеленеть луга, набухли почки на деревьях. Пришла весна, и всему вокруг она принесла счастье новой жизни. Но у меня было гораздо большее счастье.

Я видел, как Яник начал искать истину, как он устремился к вечной жизни.

Впервые я наблюдал, какие трудности приходится преодолевать ребенку, когда Иисус Христос входит в его жизнь; как он сопротивляется предложению: «Отдай Мне свое сердце!» Как тяжела для юного человека телесная смерть, так ему трудно расстаться с ветхой природой*. Зато как прекрасна жизнь потом, когда он выстоит в борьбе! Я так рад, что это случилось и с нашим Яником!

Наши совместные вечерние часы были теперь

* «Ветхой» в Библии называется естественная природа человека, не преображенная Богом. См. Еф. 4:22–24; Рим. 6:6.

особенно благословенны. Дух Божий явно действовал в нашей маленькой хижине.

В одно из воскресений Мартын рассказал нам потрясающую историю о своем пребывании в Сибири и бегстве через Японию. Он объяснил, что в то время был язычником и жил на свете без Бога и Христа, а теперь познал милость Божью. Об этом Мартын говорил впервые.

Несмотря на присутствие Доры, он не умолчал о том, в какое отчаяние впал, когда, вернувшись домой, оказался совсем один. «Наверное, так должно было случиться, — серьезно добавил он, — ибо сердце, десять лет привязанное только к жене и ребенку, бившееся только в надежде на свидание с ними, должно было сначала лишиться этих сокровищ, чтобы освободиться наконец для Того, Кто годами стоял у его дверей и стучал». Кратко и выразительно Мартын поведал о мучениях своей пробудившейся совести, пока наконец Христос не вошел в его жизнь. Милосердие Божие позволило ему привести в порядок и свои семейные отношения. Он сказал соседям, гостившим у нас в тот вечер, что они с Дорой живут как брат с сестрой, и объяснил, почему. Затем он помолился, прося милости для всех присутствующих, чтобы они не отклады-

вали покаяния и полностью отдались Иисусу Христу.

Мы не заметили, когда Мартын покинул нас, поскольку он часто выходил подышать свежим воздухом.

Я закончил собрание вечерней песней. Мы молча простились и разошлись. Столяр Сикора остался, чтобы побеседовать со мной наедине, но разговор не состоялся. К нам прибежал Яник. «Господин учитель, отцу плохо!» — задыхаясь, вымолвил он.

Мы поспешили в комнату Мартына. Он неподвижно лежал на софе. Дора, страшно бледная, только кивнула в его сторону.

— Я за врачом, — бросил Сикора и быстро ушел.

Мартын не был без сознания, как показалось нам в первые мгновения, — напротив, его сердце учащенно билось. Я начал молиться, и вскоре больному стало легче. Я как раз давал ему лекарство, когда вошел доктор. Благодаря его помощи состояние Мартына улучшилось настолько, что он смог говорить. Он ласково посмотрел на жену и произнес слабым голосом:

— Не бойся, родная, я давно чувствовал, что это случится...

— Я не боюсь, Мартын, — ответила она, скрывая

слезы. — Закрой глаза, отдохни, а я побуду с тобой.

Он закрыл их и вскоре уснул. Мы с доктором потихоньку вышли в мою комнату.

Доктор пожал плечами.

— Наша надежда оказалась напрасной, — признал он. — Счастье пришло к нему слишком поздно. Вряд ли он проживет долго — возможно, несколько дней, недель; во всяком случае, это начало конца. Если приступ повторится, смерть может наступить уже сегодня. Хорошо только, что он уверен в той любви, которая проведет его через долину смертной тени... Так что подумайте обо всем необходимом для последнего пути.

Мартын больше не покидал свою комнату. Днем он, одетый, лежал на софе, ночью — в своей постели: теперь он мог позволить себе только эти движения. Приступ больше не повторялся, но мы все боялись чем-нибудь взволновать больного. Тем не менее он попросил нас с Дорой разрешить соседям посещать его, и мы ненадолго впускали к нему гостей — Мартын вел с ними назидательные беседы. Еще он приглашал к себе детей и убеждал их быть послушными, ведь у меня стало намного больше работы.

Яник каждую свободную минуту проводил около отца. По просьбе Мартына он охотно согласился

помогать мне в младшем классе и вскоре стал замечательным помощником, а после занятий мы вместе молились. С радостью он рассказывал отцу обо всех наших делах, умалчивая лишь о том, что могло взволновать его.

Дора неизменно ухаживала за мужем, коротая с ним бессонные ночи. Теперь она могла отдать ему всю свою любовь, потому что перед лицом смерти исчезают многие условности. Иногда я радовался вместе с ними, но все же мне было грустно, что они обретут свое счастье только после смерти.

Мартын попросил меня написать Гаеку, чтобы тот навестил его снова, — Заполе очень хотелось бы поговорить с ним еще раз. Я выполнил просьбу друга, и вскоре мы получили известие о приезде Гаека на следующей неделе.

Несмотря на болезнь Мартына, наши утренние и вечерние беседы не прекратились. Мы были по-прежнему очень близки духовно, а теперь к нам присоединился Яник.

Однажды я видел, как мальчик стоял на коленях перед диваном отца, обвив руками его шею.

— Папочка, тебе уже лучше? — с надеждой спрашивал он. — Ты сегодня хорошо выглядишь! Все приносят тебе такие замечательные продукты и мама так вкусно готовит, что ты обязательно поправишься, правда?

Как ему хотелось услышать от отца уверенное, радостное «да»!

Мартын погладил ребенка по голове:

— Да, сынок, мне очень хорошо... Я окружен и земной, и небесной любовью — чего же мне еще желать?

— Знаешь, пап, наша мама тоже заболела как-то, когда тебя еще не было здесь, а потом пришла весна, и она поправилась. Вот скоро потеплеет, мы вынесем тебя на солнышко, и ты обязательно выздоровеешь!

— Яник, а разве ты не хотел бы, чтобы я поскорее увидел Христа?

— Конечно, хотел бы... А как же мы с мамой? Ведь ты так мало побыл с нами!.. Разве Христос не может подождать тебя? Сияющие детские глаза смотрели на отца с такой надеждой, будто смерть Мартына зависела от него самого.

— Папочка, ты ведь еще поживешь с нами?

— Знаешь, Яник... — с трудом подбирая слова, заговорил Мартын. — Если Господь по милости Своей не допустил, чтобы меня заживо погребли на войне, если Он позволил мне снова увидеть вас и даже пожить еще вместе с вами, то разве я могу не отблагодарить Его за все это и не быть послушным Его воле? И если теперь Он позовет меня, я должен буду идти... Когда-то ради меня и тебя Он оставил Своего Отца и пришел на землю. Он послушно принял смерть на кресте ради нас. Как же мы можем роптать и не делать того, что Он требует от нас?

— Да, папочка, конечно! Но ведь Он теперь опять на небесах, у Своего Отца, с ангелами, а у меня здесь только ты один!

Мальчик крепко прижался к груди отца, по его щекам текли слезы.

— А мать? — попытался утешить его Мартын.

— Да, конечно, но ведь мама — женщина!

Казалось, наступил подходящий момент, чтобы вмешаться в разговор.

— Яник, — мягко начал я, — не плачь, ты же знаешь, что твоему отцу нельзя волноваться, иначе ему опять станет хуже.

Превозмогая себя, мальчик вытер слезы.

— Наш Спаситель знает, что тебе нужен отец, и Он все сделает правильно.

Эти слова успокоили его.

— Благодарю вас, — сказал мне потом Мартын, — что вы утешили Яника, но не будите в нем напрасных надежд.

— Ни в коем случае, Мартын, но я действительно надеюсь, что вы еще побудете с нами. Или вам стало хуже?

— Вообще-то нет, но я знаю, что жить мне осталось недолго, и мои родные должны быть к этому готовы.

— А вам не тяжело расставаться? — опасливо спросил я.

— В такие моменты, конечно, тяжело. Сердце противится этому расставанию. Яник прав: мы ведь родные люди, а я так мало мог побыть с ним и оказать ему мужскую поддержку. Я вынужден оставить его слишком рано...

Вошла Дора, и мы прервали разговор.

Наш дорогой Мартын слабел с каждым днем. Мы ели в его комнате, чтобы он не чувствовал себя одиноким. После трапезы мы недолго общались, и

он засыпал, часто со счастливой улыбкой на лице. Дору очень утомляло почти круглосуточное бодрствование.

В воскресенье я послал Яника, который всегда был готов услужить, с письмом к доктору, а Дору упросил ради поддержания здоровья пойти прогуляться на свежем воздухе. Она согласилась и заодно решила навестить свою тетушку. Так я остался наедине с Мартыном.

Наступали сумерки. Огонь трещал в кафельной печи, освещая сказочным светом комнату — наш Эммаус. Вон там, на той скамье, сидел невидимый, но ощущаемый сердцем Иисус и излагал нам Писание...

Я представлял себе, как это будет, когда Мартын уйдет с Ним и я останусь один. Но я прогнал мысли, которые роились в моей голове, и стал размышлять над тем, куда он пойдет и что его там ожидает...

Неожиданно послышался тихий стук в дверь, и вскоре в комнату осторожно вошел Гаек. Я удивился, что он так быстро приехал, и, приложив палец к губам, молча кивнул ему. Затем я повел его к софе. Склонив голову, он взгляделся в бледное лицо спящего и сразу понял, в каком он состоянии.

— Как же это случилось? — шепотом спросил он. — Он ведь не был болен...

— Он был болен, — отозвался я так же тихо, — и болезнь прогрессировала. Казалось, что радости последних недель вернут ему здоровье, но мы ошиблись. Около двух недель назад с ним случился сильный приступ, и с тех пор он угасает. Он попросил позвать вас, чтобы проститься. Хорошо, что Доры как раз нет дома. Может быть, он очнется и захочет поговорить с вами наедине...

Мартын пошевелился.

— Правда ли, что пришел Гаек? — проговорил он. — Я слышу его голос.

— Я здесь, мой друг! Но что же с тобой случилось?

Он приблизился к постели Мартына, а я стал разжигать огонь в печи, чтобы он светил ярче.

— Да, Альберт, я приготовился к дальнему пути. А где Дора? — вспомнил он вдруг о жене.

Я сказал ему, и он в знак согласия слегка кивнул головой.

— Это хорошо, значит, я могу обменяться с тобой несколькими словами наедине, — он вновь обратился к Гаеку. — Я хочу тебя кое о чем попросить. Не для нее, а для моего мальчика. Он всем сердцем при-

вязался ко мне, и это не удивительно, ведь мы с ним так мало времени провели вместе. Будь терпелив, если он долго будет печалиться, — он еще ребенок. Ты столько лет был ему добрым отцом, и он ценит и любит тебя... Видишь ли, Гаек, я знал, что жить мне осталось недолго, и потому взял лишь часть моего наследства, а остальное завещал нашим сыновьям. Я поделил все между моим сыном и твоим, потому что ты много лет заботился о Янике... Доре я оставляю наш домик, который вы сможете продать, если он вам не понадобится. — Мартын помолчал немного, словно собираясь с силами, а потом продолжил: — По своим физическим данным Яник не может стать ни крестьянином, ни ремесленником. Зато из него выйдет хороший учитель. Самым заветным моим желанием всегда было стать учителем — так пусть это сбудется в жизни моего мальчика. Пусть он учится на те средства, что я ему оставляю. Ты обещаешь мне, Альберт?

— Да, Мартын. — Гаек был взволнован, но его голос звучал твердо. — Вы свидетель, господин учитель. Пусть Яник с Божьей помощью станет хорошим учителем. Я же, со своей стороны, все для этого сделаю. Спасибо, Мартын, что подумал и о моем сыне... Твоя любовь дает мне надежду на то,

что ты на меня не в обиде за всю ту боль, которую я невольно причинил тебе... Однако нам, наверное, пора прекратить разговор, он утомил тебя.

— Да, Альберт, я очень слаб... Пожалуйста, господин учитель, помолитесь, чтобы я еще немного поспал до прихода Доры и Яника.

Я выполнил просьбу Мартына и поблагодарил Всевышнего за то, что Он разрешил это печальное дело столь прекрасным образом. Мартын тоже молился, и, хотя мы не могли разобрать слов, в его голосе звучали смирение и благодарность. К моему удивлению, Гаек тоже молился, и я понял, что этот ищущий человек обрел наконец Бога. Он благодарил Господа за то, что я пробудил его от сна греховного самооправдания, а самоотверженная любовь Мартына окончательно привела его ко Христу.

Эта молитва оживила Мартына. Его лицо светилось тихой глубокой радостью.

Вскоре пришла Дора с зажженной лампой. Яник принес отцу ветку цветущей вишни. Она должна была расцвести к Пасхе, да запоздала, успев порадовать своими нежными лепестками эту уходящую душу. Увидев Гаека, мальчик радушно обнял отчима, и Дора приветливо протянула Альберту руку. Затем она поспешила на кухню готовить ужин.

Держа в руках цветущую ветку, Мартын умиротворенно откинулся на подушки и наблюдал за нами. Он выпил немного молока и съел кусок пирога, который привез от своей матери Гаек. Вскоре после этого Мартын уснул, но ненадолго. Через несколько минут он проснулся и попросил нас спеть и помолиться вместе с ним. Мы запели:

Издали нам сияет страна,
Куда верою каждый войдет —
Сам Спаситель введет в небеса
Свой искупленный верный народ.
Скоро, скоро придем мы домой,
В вожделенный наш край родной!

Затем мы вместе прочли девяносто первый псалом. Мартын сказал, что теперь он, наверное, уснет, и мы все пожелали ему спокойной ночи. Он еще молился с нами, только слов разобрать было уже нельзя. Мартын и в самом деле скоро уснул — тихо, с миром в

душе, но так крепко, что разбудит его от этого сна только труба архангела...

В Тополеве не помнили таких многолюдных похорон: пришли дети и женщины, мужчины и старики — все, кто мог освободиться ради этого случая. Одни толковали о том, как сильно Мартын любил свою родину, — столько лет он добирался домой из плена, чтобы только умереть здесь... Другие жалели, что никогда уже не увидят этого милого бледного лица, не услышат этот тихий проникновенный голос — ведь Мартын успел сказать односельчанам столько мудрых и добрых слов. Это была потеря для каждого из пришедших.

А я? Что мог сказать я? Мог ли я скорбеть о нем, зная, куда он ушел? Хотя сердце мое и печалилось о разлуке с другом, все же я не мог не благодарить Всевышнего за то, что стал свидетелем начала новой жизни этой души, которая так долго находилась в оковах и обрела наконец вечную свободу.

Родная земля приняла своего сына, который после долгих лет скитаний вернулся, чтобы упокоиться в ее лоне. Заглянув в открытую могилу, когда руки близких осторожно опускали туда гроб, я подумал, что здесь, в Тополеве, уже не смогу жить без Мартына.

Я посмотрел на доктора, который также провожал взглядом гроб и в чьей памяти, вероятно, навсегда осталась та же картина, что в моей: успокоившийся человек с выражением глубокого мира на лице и с цветущей веткой вишни в руке, знаком пробуждающейся природы. Да, он может поживать спокойно, ибо знает силу любви, которая сильнее смерти. Но как мало известно о ней стоящим вокруг людям! В ладью Мартына Иисус вошел как раз в тот момент, когда волны скорби пытались потопить ее. Ладью наполнил глубокий, несущий освобождение мир, и с ним лодка вошла в тихую гавань. Но сколько таких лодок еще носится по бурному житейскому морю — в беде, неведении, неуверенности и страхе! Как важна задача, стоящая перед нами, знающими скалу, на которой мы можем пребывать в полной безопасности!

«Господи, укрепи меня в верности Тебе, — молился я у могилы друга, — направь меня на путь, по которому мне идти, руководи мною, и пусть око Твое будет надо мной» (ср.: Пс. 31:8).

Кристина Рой
ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ

Перевод — Л. Герман
Редактор — И. Воробьева
Корректоры — А. Лобанова, Н. Баталова
Художник — М. Кудрявцева
Компьютерная верстка — А. Кодак

УМО «Свет на Востоке»,
ул. Хорольская, 30, г. Киев, Украина, 02090
Тел.: 044-296 86 39
E-mail: sns@sns.org.ua
<http://www.liokniga.com.ua>